

ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ, РЕШЕНИЯ

УДК 101.1

ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: НАБЛЮДЕНИЯ Г.Д. ГАЧЕВА

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет

tugashev@academ.org

Т.В. Попкова

Сибирский университет
потребительской кооперации,
Новосибирск

popkova_tamara@rambler.ru

В статье дан анализ предпринятой Г.Д. Гачевым рефлексии генезиса философской мысли в его этнокультурной обусловленности. Исследовательский опыт Г.Д. Гачева интерпретируется как реализация методологической установки Московского логического кружка на реконструкцию генезиса знания и его построения на основе не формальной, а содержательно-генетической логики. Содержание и формы философской мысли Г.Д. Гачев рассматривает как вырастающие в лоне национальной культуры и сохраняющие присущие ей особенности. Поэтому можно говорить об этнокультурогенезе философии как процессе, который обладает инвариантными структурными моментами, которые необходимо и вариабельно реализуются в различных философских традициях и конкретных учениях. Наблюдения Г.Д. Гачева анализируются и систематизируются с позиций сравнительно-генетического метода, выявляющего отдельные моменты генезиса философии в кросс-культурном сопоставлении.

Новизна исследования заключается в анализе творческого наследия Г.Д. Гачева в контексте решения задачи разработки содержательно-генетической логики развития философского знания. Г.Д. Гачев выявил ключевые моменты генетики философской мысли, что позволяет заняться реконструкцией ее развития, а в перспективе и «генной инженерией», конструирующей философские концепции для удовлетворения актуальных философских потребностей целевых групп.

Ключевые слова: философская мысль, этнокультурогенез, космофилософия, геософия, космопсихологос, Г.Д. Гачев.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-3-11

В философском творчестве наиболее загадочным и таинственным моментом является зарождение философской мысли. В истории философии мы встречаемся с

грандиозными системами великих философов, но плохо понимаем то, как эти системы родились или как они были сделаны, почему среди великого изобилия генериро-

вавшихся на протяжении тысячелетий философских учений в памяти человечества остались немногие и почему эти великие учения оказались популярными среди современников или потомков в родной стране или в чужеземье. Философская мысль кажется оторванной от почвы и одаряющей все человечество. А народы, как представляется, весьма избирательно и утилитарно относятся к предлагаемой философской продукции, которая лишь в редких образцах эксплуатируется, тогда как остальная ее часть уходит в почву, обогащая ее культурный слой.

Катастрофически низкая эффективность философской деятельности, зафиксированная еще И. Кантом в виде феномена перманентного «скандала в философии», вызывает законное беспокойство в профессиональном философском сообществе. Ущемленное чувство профессиональной гордости требует быть не просто хранителем и транслятором философской традиции, но и ее зачинателем, так как статус «любителя мудрости» обязывает быть хотя бы в чем-то мудрым и иметь последователей.

Кроме того, профессиональное занятие мудростью предполагает ситуационное и оперативное философствование, прагматичность которого проверяется в социально-философской практике. Поэтому философская культура должна быть продуктивной и технологичной, предусматривающей методичное воздвигание философской мысли, необходимой для удовлетворения философских потребностей конкретных реципиентов.

Производство философской мысли не стало пока индустрией. Оно остается наитием гения, средневековым ремеслом, тайны которого не передаются, а скорее уга-

дываются, так как философское мастерство до сих пор невоспроизводимо: каждый творит свой шедевр. Тем не менее историческим фактом является то, что философская мысль устойчиво генерируется, а следовательно, она имеет определенные законы воспроизводства, которые могут быть познаны и использованы для методичного, организованного философского творчества по разработанным технологическим картам. Как представляется, Г.Д. Гачев как раз и предложил подход, который выявляет ключевые моменты *генетики философской мысли*, что позволяет заняться ее реконструкцией, в перспективе и своего рода генной инженерией.

Напомним, что задача реконструкции генезиса знания и его построения на основе не формальной, а содержательно-генетической логики была поставлена в начале 1950-х годов участниками Московского логического кружка А.А. Зиновьевым и Э.В. Ильенковым. Безусловно, Г.Д. Гачев также развивался в русле этого философского движения. Так, он вспоминал: «С 1955-го по 60-е годы грыз я Гегеля под руководством Э.В. Ильенкова (еще и Канта, Фихте, Шеллинга), осиливал их философский жаргон, проникся и полюбил...» [1, с. 12]. Но если члены Московского логического кружка в основном интересовались проблемой логики развития научного знания, то Г.Д. Гачев обратил внимание на содержание и происхождение национальных логик в целом и в отдельных их проявлениях – в формах научного, художественного, философского и языкового мышления.

Исходным моментом осуществляемой Г.Д. Гачевым рефлексии генезиса философской мысли является запечатление удивлений. Называя свои записи «дневником удивлений» [2, с. 17], он подчеркива-

ет значение базовых удивлений для анализа содержания философского сознания. Это содержание не ограничивается только теоретическим знанием, а включает в себя множество уровней, в котором основополагающим является эмоционально-психологический уровень, собственно и определяющий образ мира, характер его переживания и собственно отношение к нему. Здесь коренится исток философской мысли, наглядным примером чему является следующее свидетельство И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем и чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» [3, с. 499]. Нетрудно заметить, что эти два удивления Канта направляли всё его творчество и определили его эмблематику — от космогонической гипотезы до категорического императива. И в историко-философской ретроспективе представляются знаковыми как интерес Фалеса к звездному небу, так и поворот Сократа к человеку, его добродетелям.

Пример запомнившихся И. Канту двух удивлений показывает, что философская мысль может стимулироваться серией удивлений, последовательная актуализация которых определяет истоки основных этапов философского творчества. Поэтому большой интерес представляет духовная биография мыслителя, динамика которой уже представляется как имеющая внутренне закономерный характер.

Историко-философская релевантность и общезначимость личных «точек удивления» демонстрирует их универсальность. Они переживаются очень многими людьми и поэтому могут стать отправными пунктами философского образования, которое должно совершаться в определенном по-

рядке, воспроизводящем онтогенез удивлений на историко-философском материале. Работа с «удивлениями» предполагает каталогизацию отмечавшихся философами удивлений, соотнесение удивлений — этих ростков философской мысли — с развитыми концепциями, а также реконструкцию генезиса концепций из конкретных удивлений. Разумеется, далеко не все удивления были концептуализированы. Понимание этого открывает простор для дальнейшего философского творчества. Профессиональное мастерство философа должно состоять в фиксации и проработке значимых удивлений, включая конструирование вытекающих из них онтологий и способов жить.

Еще одним моментом в генезисе философской мысли, который отмечает Г.Д. Гачев, является первообраз (модель, эмблема) мира [1, с. 23]. Действительно, в философских работах часто используются метафоры дебрей (схоластики), корабля и моря, архитектоники здания, его фундамента и почвы, облаков (у Аристофана) и тумана (метафизики) и т. п. Перечисляя символические фигуры, Г.Д. Гачев выделяет их по различным основаниям: это и шар, и крест, и арка (купол) неба, чаша долин и гор, путь-дорога и т. п. Это проблематизирует онтологический статус первообраза и его мировоззренческую природу.

С точки зрения этнической релевантности, говоря о древнегреческом космосе как сферосе, следует, по-видимому, учесть, что изначально космос — это не стереометрическая фигура, а воинский строй, построение. В данном случае репрезентатор, которым оперирует философия, имеет военно-политическое происхождение.

Требует более точного позиционирования символизирующей Россию образ

пути-дороги, представляющий ее «реактивно-ракетой, самоотталкиванием» [1]. Напомним, что В.О. Ключевский связывал русский характер со стихией реки – пути, иррационального в своих капризных изгибах. Стрелообразный путь, как замечал А. Блок в поэме «На поле Куликовом», это наследие кочевой, степной стихии, только в которой, собственно, такой путь и возможен.

Существенно в наблюдении Г.Д. Гачева то, что первообраз имеет модельную, системообразующую природу и позволяет структурировать, организовать мировосприятие. Здесь мы имеем дело с гештальтом, отчетливой формой, в которой мир отображает в конкретной, этнически значимой системности. Этот гештальт имеет статус объективной мыслительной формы, так как укоренен в этнокультурном ландшафте. Поэтому надлежит выявлять философский конструктор, из деталей которого составляется образ мира.

Эталонный предмет, репрезентирующий мир, кажется исторически переменным. Вместе с тем не исключена универсальность, обусловленная единством человеческого рода. Первый образ, который запечатлевается ребенком – это лицо матери, которое по форме может быть кардиоидой («сердцем»), овалом и т. п. Человек встречается с миром лицом к лицу, и мир познается как личность. Возможно, это первообраз персонализма.

Сравнивая национальные варианты восприятия пространственно-временного континуума, Г.Д. Гачев замечал, что немцу роднее время (например, «Бытие и время» М. Хайдеггера), а русскому – пространство. Продолжая это сравнение, обратим внимание на темпоральность понимания философии в немецкой культуре. Так, известно

афористичное высказывание Гегеля «Философия – это эпоха, схваченная в мысли». Этот тезис усилил молодой Маркс: «Так как всякая истинная философия есть духовная quintessencia своего времени, то с необходимостью наступает такое время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению, вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени» [5, с. 123].

Интересна антитеза, которой Маркс предваряет это положение. «Но философы не вырастают как грибы из земли, они – продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях, – писал он. – ... Философия сперва связана с миром посредством мозга, и лишь потом она становится на землю ногами; между тем, многие другие сферы человеческой деятельности уже давно обеими ногами упираются в землю и срывают руками земные плоды, не подозревая даже, что и “голова принадлежит этому миру, или что этот мир есть мир головы”» [Там же].

Заметим, что в философии концентрируются «соки» народа, который стоит на земле и питается земными плодами. Философы всё же вырастают как грибы из земли, если под «землей» понимать регион: Русская земля, земли Германии. По крайней мере, творчество выдающихся немецких философов имеет ярко выраженные черты, по которым узнается их происхождение из той или иной земли. И мысли философов уходят в землю, в культурную почву, обогащая ее. Главное, таким образом, не современность философии (это утопия, если не отдавать себе трезвый отчет в неопределенности хронологических границ совре-

менности), а ее уместность, «почвенность», т. е. нечуждость и адекватность локальному биогеокосмосу.

На релевантность духа ландшафту обращал внимание Ф. Энгельс. По его оценке, характер ландшафта выражается в религии и философии его обитателей. Эллада – страна пантеизма, где «дух погружается в материю» [8, с. 74]. В северогерманской степи небо резко обособлено от земли, что напоминает Ф. Энгельсу иудейское (и добавим – кантианское) мировоззрение [Там же, с. 75]. На море, как пишет он, «ты растворишься в гордом сознании свободного бесконечного духа!» [Там же, с. 78]. Мягкие, волнистые пейзажи Англии изумляют его многообразием сочетаний, созданных из простых элементов [Там же, с. 79], что наводит читателя на мысль об эмпиризме.

Идеалистическая концепция социокультурной динамики философии непосредственно ассоциирует ее со временем. Космософия Г.Д. Гачева ориентирует на выявление земных корней философии. Ландшафт, климат, живой мир предопределяют хозяйство и быт, модель бытия. Говоря языком евразийства, культуру можно определить как месторазвитие. Но тогда и философская культура укоренена не только в этносе, но и в ландшафте. Тогда в точном смысле слова можно говорить о метафизике ландшафта, метафизике Петербурга, «москвософии», философии родного края и геософии в целом. Территориальная маркировка философии оказывается не случайной, а космософия необходимо опосредована геософией. О космософии в точном смысле слова можно будет говорить тогда, когда не только земля в ее локальной определенности, но и ее дневное и ночное небо будут рассматриваться как детерминанты философской мысли. Г.Д. Га-

чев обращает внимание на небо Италии. Но столь же важными являются аксиологические характеристики неба в других странах, ибо только небо позволяет вписать Землю в открытый Космос.

Тогда и философия будет духовной квинтэссенцией своего пространства. Именно это пространство содержится в эссенции-стихии, из которой экстрагируется квинтэссенция. И поэтому, строго говоря, философия едва ли может быть духовной квинтэссенцией своего времени. С точки зрения концепта квинтэссенции более точным представляется тезис М. Хайдеггера о том, что философия всегда несвоевременна. «Все насущные вопросы философии всегда не соразмерны времени. Это потому, что философия либо намного опережает свое сегодняшнее, либо потому, что это сегодняшнее она сопрягает с прежде и вначале бывшим. ... Философия не соразмерна времени по существу, ибо она принадлежит к тем немногим вещам, судьба которых в том, чтобы не уметь найти непосредственный отклик в сегодняшнем и никогда не позволить себе его найти. Там, где подобное якобы наступает, где философия становится модой, там либо вообще нет никакой действительной философии, либо она ложно толкуется и используется в неких чуждых ей целях на потребу дня», – писал немецкий мыслитель [7, с. 93].

Действительно, трудно найти пример философии, получившей общественное признание и практическую реализацию в момент своего рождения. Собственно, это представляется и невероятным, учитывая действующие в обществе механизмы массовой коммуникации. В практическую жизнь, как правило, входит давно известная философия, которая, пройдя все этапы сво-

его развития от мироощущения и фундаментальной онтологии до прикладной философии и социально-философской инженерии, становится конкретной социально-философской деятельностью. В отношении полезного эффекта философии мы редко сталкиваемся с непосредственным откликом, а чаще всего имеет место сильно отсроченный эффект последствия.

Любая система существует только в движении самовоспроизводства, самосохранения и самообновления. Так корабль движется в море. Отсюда платоновское сравнение чувственного и умозрительного познания с первой и второй навигацией. Дом строится, ремонтируется и перестраивается. Речная сеть регулируется. Следовательно, первообраз мира неразрывно связан с характерным для него типом движения. Такой тип движения Г.Д. Гачев называет этнологосом [2, с. 37].

Русский ум, по наблюдениям Г.Д. Гачева, начинает с отталкивания, отрицания и мыслит по формуле «не то, а...». Примечательно, что такой тип движения характерен для плавания по реке, когда отталкиваются шестами. В речной цивилизации всегда ищут то, от чего можно оттолкнуться. А оттолкнуться можно только от того, что находится со стороны или – уходя в сторону – от того, что препятствует движению. Отсюда отмечавшаяся Г.Д. Гачевым важность стороны в русской ментальности.

Подобные, содержащие отталкивание фигуры движения есть в русских танцах. Напомним, что по А.В. Лосеву диалектика имеет танцевальную структуру, вытанцовывается [4, с. 209]. Диалектика в этом плане выступает как паттерн философской деятельности, ее рисунок. Поэтому в массовом народном танце узнается и усваивается диалектика эпохи.

Характеризуя свою философскую идентичность, Г.Д. Гачев писал, что ощущает себя досократиком и выражает всё на древнем натурфилософском языке четырех стихий [1, с. 11]. Его преимущества он видит в культурной универсальности, мировоззренческой переводимости и общепонятности. С этим действительно можно согласиться.

Проблему универсального языка мировой философии предлагалось решать обращением к языку Платона. Но это язык является довольно частным и не фиксируется в деталях довольно важные философские реалии, например, деминурга – творца космоса. Поэтому уход в основание, к более фундаментальному философскому дискурсу представляется стратегически правильным. Правда, следует отдавать отчет в том, что и натурфилософский язык – не самая ранняя дискурсивная стратегия философии. Еще более ранним является гражданский дискурс мудрецов, который вырастает из естественного языка, отбирая цивилизационно значимые концепты. Гражданский дискурс мудрецов синкретичен, так как включает не только фундаментальные (космопсихологос), но и прикладные философемы (этос). И в этом его несомненное преимущество перед натурфилософским языком стихий.

Говоря об экзистенциальной культурологии, Г.Д. Гачев подчеркивает личную и ситуативную значимость своих жизненных мыслей. Факт экзистенциальной обусловленности философских суждений редко учитывается в философском анализе. А мы ведь часто сталкиваемся с эволюцией и трансформацией взглядов известных мыслителей, существенным переосмыслением прежних идей. И для философской общественности почему-то ранний Маркс

«Экономико-философских рукописей» оказывается более важным и интересным, чем зрелый Маркс эпохи «Капитала». Следовательно, философская коммуникация имеет многоуровневый характер. Трудно предсказать, что из корпуса текстов мировой философии будет воспринято как релевантное экзистенциалам современности. По-видимому, требуется филигранная работа по диагностике и каталогизации ситуаций и экзистенциалов – как рождающих философскую мысль, так и воспринимающих ее. Тонкие нити коммуникаций неописуемы в своей беспредельности, но при определенной типологизации могут быть задействованы в экзистенциальной психотерапии.

Г.Д. Гачев исходит из того, что мироозрение развивается из мироощущения. В общегносеологическом плане этот принцип представляется очевидным, и в отношении экзистенциализма, например, указывалось, что он основывается на трагическом мироощущении, но систематически проследить такой генезис философских систем никто не пробовал. Г.Д. Гачев генезис французского сенсуализма связывает с осязанием [2, с. 114, 115]. Данная интерпретация представляет интерес в связи с тем, что философские учения рассматриваются обычно как результат спекулятивного конструирования. И только в последнее время стали обращать внимание на базисный характер оптической метафоры в европейской философии. Наряду с этим указывалось на значение слухового восприятия в индийской философии, вкуса в китайской философии и т. п. Выяснение роли различных сенсорных систем в формировании философского мировосприятия позволяет объяснить характерные особенности философских культур.

Еще одно интересное наблюдение Г.Д. Гачева относится к постановке философских вопросов. Он напоминает о древнегреческой традиции вопрошания «чтойности» и указывает, что немцам важно найти ответ на вопрос «Почему?», французам – на вопрос «Для чего?», американцам – на вопрос «Как?», русским – на вопрос «Кто?» (или его вариант: «Чей?»). Легко узнаваемые четыре причины Аристотеля – материальная, целевая, формальная и действующая – имеют разные приоритеты в различных национальных культурах.

В отношении французского «pourquoi?» Г.Д. Гачев пишет: «Тут Цель важнее Причины. Сущность всего полагается лежащей где-то впереди, в будущем. Отсюда французские теории Прогресса (Руссо, Кондорсе), эволюции (Ламарк, Бергсон, Тейяр де Шарден), социальные утопии (Сен-Симон, Фурье, Конт)» [1, с. 21]. Действительно, одно из важнейших положений экзистенциализма Ж.-П. Сартра гласит, что существование предшествует сущности [6, с. 323]. Но означает ли это только то, что для французов – в отличие от американцев – серьезной национальной проблемой является позитивное целеполагание? О том, что гуссерлевская протенция – проецирование прошлых ощущений на будущее – для них действительная проблема, говорит тот факт, что во всех перечисленных учениях образ будущего слабо проработан.

Мы бы обратили внимание на другой аспект эвристики особенностей национального вопрошания. Большое впечатление на философское сообщество произвели знаменитые вопросы И. Канта: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек? В русской модели вопрошания, где главным является вопрос «Кто?», можно сфор-

мулировать аналогичные вопросы: Кого я могу знать? Для кого я должен делать (или жить)? На кого я смею надеяться (или могу положиться)? Кто такой человек? Задумавшись над этими вопросами, приходишь к выводу, что в русском мире эти вопросы действительно жизненно важны, а их постановка открывает иной горизонт мышления.

Заметим, что новый горизонт философствования открывается благодаря замещению местоимения «что» местоимением «кто». Сами по себе эти лексемы не являются философскими категориями, но вариации их использования модулирует философский дискурс. В геноме философской мысли немало таких компонентов различной мировоззренческой природы. Интересно, что лексемы, мифологемы, теологемы и иные идеологемы прочно сцеплены с философемами и неустрашимы из философского мышления. И поэтому на знаменитый вопрос Г.Д. Гачева «И так ли уж чист Чистый Разум?» приходится отвечать так же, как и в отношении «Чистой теории права» Г. Кельзена – указанием на использование ими мифологемы чистоты. Философия суверенна, и именно поэтому она обладает социокультурной сложностью, в которой ассимилированы и интегрированы разнообразнейшие мировоззренческие социокультурные ресурсы. Одним из путей деконструкции ее содержания является логика этнокультурогенеза, отдельные моменты которой были раскрыты Г.Д. Гачевым.

С учетом проведенного анализа к значимым моментам этнокультурогенеза фи-

лософской мысли, по Г.Д. Гачеву, можно отнести: 1) «точки удивления»; 2) первообраз мира, укорененный в этнокультурном ландшафте; 3) национальный вариант хронотопа; 4) этнологос, выражающий паттерн движения, базовый для национальной культуры; 5) латентный гражданский и натурфилософский дискурс; 6) базовый экзистенциал и исходное мироощущение; 7) принятую в естественном языке стратегию вопрошания; 8) культурно значимые идеологемы (мифологемы, теологемы и т. п.), интегрированные в философскую культуру.

Литература

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России: Польша, Литва, Эстония. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.
2. Гачев Г.Д. Наука и национальная культура. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 320 с.
3. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 311–504.
4. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – 366 с.
5. Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 93–113.
6. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990. – С. 319–340.
7. Хайдеггер М. Введение в метафизику. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 302 с.
8. Энгельс Ф. Ландшафты // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 41. – С. 74–81.

ETHNNIC-CULTURAL GENESIS OF PHILOSOPHICAL THOUGHT: OBSERVATIONS BY G.D. GACHEV

E.A. Tyugashev

Novosibirsk National Research State
University

tugashev@academ.org

T.V. Popkova

Siberian University of Consumer
Cooperatives,
Novosibirsk

popkova_tamara@rambler.ru

The article analyzes G.D. Gachev's reflection of philosophical thought genesis in its ethnic and cultural conditionality. The authors believe research experience of G.D. Gachev to be the implementation of methodological directions by Moscow logic study group to update the genesis of knowledge not on the basis of formal logic but content genetic logic. G.D. Gachev considers that the form and content of philosophical thought emerge in the bosom of national culture and preserve its characteristics.

Keywords: philosophical idea, ethnic-cultural genesis, cosmo-sophia, geo-sophia, cosmo-psychologos, G.D. Gachev.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-3-11

References

1. Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira. Sosedi Rossii: Pol'sba, Litva, Estoniya* [National characters of the world. Neighbours of Russia: Poland, Lithuania, Estonia]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 384 p.
2. Gachev G.D. *Nauka i natsional'naya kul'tura* [Science and national culture]. Rostov-na-Donu, Rostovskii universitet Publ., 1993. 320 p.
3. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [The critique of practical reason]. Kant I. *Sochineniya*: v 6 t. [Works: in 6 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 4, pt. 1, pp. 311–504.
4. Losev A.F. *Derzhanie dukha* [Daring of the spirit]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 366 p.
5. Marks K. *Peredovitsa v № 179 «Kolnische Zeitung»* [Leading article in «Kolnische Zeitung»]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 1, pp. 93–113. (In Russian)
6. Sartre J.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. *Sumerki bogov*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 319–340. (In Russian)
7. Heidegger M. *Einführung in die metaphysic*. Frankfurt am Main, Vittono Klostermann, 1983. 234 p. (Russ. ed.: Khaidegger M. *Vvedenie v metafiziku*. St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 1998. 302 p.).
8. Engel's F. *Landshafty* [landscapes]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 41, pp. 74–81. (In Russian)